

63.3(5Каз)46

К 98

Джон Кэстль

Дневник путешествия
в году 1736-м
из Оренбурга к Абулхаиру,
хану Киргиз-Кайсацкой Орды

517522

ФОНД СОРОС-КАЗАХСТАН

ДЖОН КЭСТЛЬ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ

**В ГОДУ 1736-м ИЗ ОРЕНБУРГА
К АБУЛХАИРУ, ХАНУ
КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ**

*Перевел с немецкого
Вольфганг Штаркенберг*

АЛМАТЫ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЖИБЕК ЖОЛЫ»
1998

Кэстль Джон

- К 28 Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. /Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого (Регистр). - Алматы: Жибек жолы, 1998. - 152 стр. 13 ил. ISBN 9965-425-28-0

С 1996 года Фонд Сорос-Казахстан развивает программу «Переводческий проект», цель которой — обновление системы образования путем перевода работ по гуманитарным наукам с мировых языков на русский и казахский. В концепт проекта включается выявление зарубежных источников, составление научной библиографии, перевод и издание книг по истории Казахстана и Центральной Азии, написанных зарубежными авторами.

Предлагаемая вниманию читателя книга издана в рамках «Переводческого проекта».

Спонсором проекта является известный американский предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос.

517522

ЭК 04

ББК 63.3 (2Каз)

К 0503020905 Без объявл.
430(05)98

ISBN 9965-425-28-0

© В. Штаркенберг, перевод, 1998
© А. Ахмедова, оформление, 1998

От издательства

Дневник путешествия Джона Кэстля (John Castle), предпринятого летом 1736 года «из Оренбурга к Абул Гейеру (Абулхаиру), хану Киргиз-Кайсацкой... Орды», долгое время после выхода в свет (1784 г.) оставался вне поля зрения казахстанских исследователей, потому что был опубликован на немецком языке в Риге в составе книги, не имевшей, на первый взгляд, никакого отношения к Казахстану: «Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen», Zweiter Teil, 1730 — 1741.

«Материалы» представляют собой книгу объемом 608 страниц о царствовании Анны Иоанновны (1730 — 1740) и Ивана Третьего (по числу русских царей с именем Иван) Антоновича (1740—1741) при регентстве сначала Бирона, а затем Анны Леопольдовны — матери императора-младенца. Совершив 25 ноября 1741 года переворот, императрицей стала дочь Петра Великого Елизавета Петровна.

Интересующий нас Дневник занимает в упомянутой книге 144 страницы набранного готическим шрифтом текста, 50 страниц Указателя к нему и 13 вклеек — гравированных иллюстраций. Его обнаружил и описал в 1958 году, кратко изложив содержание, историк П. Е. Матвиевский (Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов. «История СССР», 1958, №4, стр. 133-145). Эта публикация служила хотя и не единственным, но для большинства интересовавшихся основным источником сведений о содержании Дневника вплоть до 1996 года, когда с помощью Фонда Сорос-Казахстан был издан выполненный А. Торехановым перевод его на казахский язык («Атамур», Алматы, 1996).

Настоящее издание — первый перевод на русский язык полного текста Дневника Джона Кэстля с Указателем и всеми гравированными иллюстрациями, осуществленный при любезном содействии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Переводчик и редактор стремились по возможности точно воспроизвести содержание и бережно передать как авторское восприятие описываемых событий, так и написание имен, географических названий, терминов и иных характерных слов, намеренно избегая привязки к современным представлениям. Они считали недопустимым задним числом опровергать, «поправлять», перетолковывать автора, иными словами так или иначе исказить содержание своим вмешательством или комментариями, и потому предприняли попытку дать исследователям и специалистам чистый источник для работы, в котором сохранены и авторские шрифтовые выделения, и даже опiski и опечатки. Лишь в самых необходимых случаях редактор счел возможным сделать краткие подстрочные пояснения, применив для них резко отличающийся по размеру и рисунку шрифт.

При чтении Дневника, конечно, следует иметь в виду, что текст его написан европейцем XVIII века с присущими ему высокомерием и нежеланием вникать в азиатский тип жизни и мышления и потому местами в Дневнике сквозит явное недоумение и пренебрежительное отношение к увиденному. С высоты нашей истории следует, видимо, быть снисходительными к автору в его ошибках и заблуждениях и признательными за те новые крупинки знаний, которыми он обогатил наши представления о прошлом.

**Всесветлейшему величайшему князю
и великому государю**

Иоганну Третьему,

Божией милостию Императору и Самодержцу Всероссийскому, Московскому, Киевскому, Владимирскому, Новгородскому; Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Плескова (Pleskow)¹ и Великому Князю Смоленскому, Князю Эстляндскому, Лифляндскому, Корельскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных, Государю и Великому Князю Новгорода низовския земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и вся северныя страны Повелителю, Государю Иверския земли, Карталинския и грузинских царей, Кабардинския земли, а также Черкасских и Горских князей и иных наследному Государю и Обладателю и прочая и прочая и прочая,

посвящается

а в т о р о м

с глубочайшей покорностью

это скромное сочинение.

¹Пскова.

JOURNAL

von

der Ao. 1736. aus Orenburg

zu dem

ABUL GEIER

Chan der Kirgis = Caysack

Tartarischen Horda

aus freyem Willen und blos zu dem Besten

des russischen Reiches unternommenen höchst nö-

thigen und zwar gefährlichen doch glücklich

vollbrachten

St e i f e,

bargestellet

durch

John Castle

einem Engländer und gewesenen Kunstmahler

bey der Orenburgschen Expedition.

Д Н Е В Н И К

предпринятого в году 1736-м
добровольного и исключительно
на благо государства российского
задуманного

ПУТЕШЕСТВИЯ

из Оренбурга к

АБУЛ ТЕЙЕРУ,

хану Киргиз-Кайсак

Татарской орды,

крайне важного и хотя опасного,

но счастливо законченного,

описанного

Джоном Кэстлем,

англичанином и бывшим художником

при Оренбургской экспедиции.

Милостивейший император и государь

Уповавая на высочайшую милость и снисходительность В. императ. велич., я осмеливаюсь с исключительной покорностью повергнуть данный дневник к Вашим священным стопам. Я не пытаюсь таким образом обрести славу за недостойные заслуги, а наоборот, как иностранец хочу выразить свое почтение императорам России и предоставить В. императ. велич. случай проверить то, что может быть, до сих пор из Оренбургской канцелярии о моей персоне не было сообщено с надлежащей ясностью. Мне неизвестно, получили ли Ваше величество сведения о том, какие я к пользе государства предпринимал различные и очень опасные экспедиции, исключительно за свой счет и без чьей-либо помощи, и были ли эти сведения правдивы и написаны на основе моих донесений, находящихся в Оренбургской канцелярии. Данный дневник составлен с целью стать публичным свидетельством моей верности В. императ. велич. и государству, коим я себя с глубочайшей покорностью посвятил, что покойный статский советник Иван Кирилов (Iwan Kiriloff)¹ не раз подтверждал. Он обещал в награду за мои заслуги направить меня к Вашему императ. величеству с отчетом о моих предприятиях. Он в разных случаях, представляя меня многим высокопоставленным лицам и офицерам, требовал брать с меня пример и служить с таким же рвением. И много раз он при этом говорил, что не может вознаградить меня за мои усердие и верность так, как я того заслуживаю! По сей день такая награда осталась пустым обещанием, вместо радости от нее я испытал ненужные огорчения, что заставило меня 14 января 1737 года написать прошение об отставке, с которым я отправил сюда своего брата. Брат

¹Кирилов Иван Кирилович — обер-секретарь Правительствующего сената, в 1734-1737 начальник Оренбургской экспедиции, созданной для хозяйственного освоения восточных территорий.

сумел добиться заседания комиссии, по рекомендации которой Высокий кабинет издал приказ об исследовании различных моих предприятий и об удовлетворении моего прошения на тот случай, если в услугах моих нет больше надобности. И все же кажется, что статский советник Иван Кирилов забыл данное мне обещание, если о моих путешествиях к башкирам и к киргизам написал не больше чем сухой отчет. В нем он ничего не сообщил, куда следует, о моих успехах, а наоборот, отнял у меня драгоценный камень весом в 62 фунта, который я нашел в Татарии (Tartaren) и отправил с башкирскими татарами (во время большого голода я купил им в марте 1763 года (in Martio Ao 1763)¹ 200 пудов мяса и перетянул их таким образом на сторону России) в Оренбург к своему доверенному, хирургу Пензенского (Pensischen) полка Роде (Rodet). Комендант Оренбурга этот камень удержал, однако позже Иван Кирилов отнял камень у коменданта и по приказу Высокого кабинета отправил его 14 марта 1737 года туда. За камень, как и за все остальные свои услуги, я по сей день не получил ни малейшего вознаграждения.

В. имп. вел., соблаговолите взглянуть на этот правдивый Дневник, который отличается от находящегося в Оренбургской канцелярии тем, что в нем описаны не только мое лишь путешествие и совершенные мною во время оногo дела, а даны объяснения ситуаций и событий, имевших место, а также многие своеобразные и курьезные случаи! Ваша милость увидит в Дневнике, как я при описании смешиваю иногда смешные и серьезные вещи и совершенно естественно сообщаю о случившихся со мной происшествиях, так как я излагал не что-нибудь вымышленное, а неприкрашенную правду, что считаю настоящим признаком искренней верности В. имп. велич. и на что не всякий верный слуга отважится, хотя это могло и входить в его намерения. В Дневнике речь идет о совершенно достоверных событиях, правдивость которых становится еще более явной в сравнении с отчетом, находящимся в Оренбургской канцелярии. Я только сожалею, что к данному сочинению не могу присовокупить оригиналы рисунков и чертежей, изображающих восточные народы и другие достойные внимания вещи, которые я оставил в упомянутой Оренбургской канцелярии. Я прошу милостиво-

¹Опечатка? Вероятнее всего 1736.

го дозволения передать с глубочайшей покорностью не только копии этих рисунков, но и еще пять оригинальных портретов, на которых я изобразил с большим сходством хана Абул Гейера (Abul Geier Chan), находящегося в Оренбурге сына хана – Ерали Султана (Eraly Sultan), знаменитого военачальника башкир – Алдара (Aldar), дочь Алдара, а также татарского мурзу (Mursa), который является переводчиком. Я хотел бы еще добавить, что я, находясь у этих диких народов, намеревался сделать все возможное для блага Российской Империи. Эти портреты я прошу милостиво принять от меня для развлечения и удивления; они ведь за неимением кистей написаны только пальцем и рукою.

Я с глубочайшей покорностью свидетельствую перед В. императ. вел., что в продолжение моей покорнейшей верности не перестану страстно молить Бога о неустанном ниспослании крепости для роста и господнего благословения до глубокой старости В. императ. велич., и чтобы Ее императорское величество, Светлейшая правительница, и высочайший Ее супруг действовали всегда так, как В. императ. вел. того желает для своего удовлетворения. Я молю Господа о вечном благословении для них. С этим желанием я остаюсь

В. имп. велич.

покорнейший и смиреннейший слуга

Джон Кэстль.

Санкт Петербург,
1741.

Слава Российской империи заставляет многих людей во всех странах Европы (Еуропа) относиться к ней с особым почтением и преданностью. И я, как англичанин, не мог не предложить свои услуги великим монархам этой благословенной империи и не заключить контракт с Оренбургской экспедицией (Orenburgischen Expedition).

Я с молодых лет был убежден, что честный слуга и подданный должен стараться доказать свою искреннюю верность главным образом своими поступками. Поэтому я, после прибытия на реку Ор (Or-Strom), на берегу которой расположен Оренбург (Orenburg), когда не смог достать необходимых мне лошадей, не стал делать вид, будто я болен и не могу ничем заняться, а поставил интересы империи выше своих и делал больше, чем требовала от меня моя должность. Какой-нибудь завистливый человек, узнав, какие я себе приписываю качества, легко может подумать, что я сам себя восхваляю и норовлю иметь одни только заслуги. Но я не стремлюсь к личной выгоде и не занимаюсь пустым самохвальством, я хочу тех, кто предпочитает спокойствие настоящему усердию в частных делах и, таким образом, не приносит никакой пользы миру, призвать к подражанию. Я надеюсь, что это не грех и что я не совершаю ничего предосудительного, если то, что мне удалось сделать, я ставлю в пример другим. К тому же лицам, которые были моими высокопоставленными начальниками в Оренбургской экспедиции и коих здесь, в Санкт-Петербурге, я могу собрать довольно значительное число, очень хорошо известно, как я много раз без чужого приказа или совета, без помощи посторонних людей ставил с крайним рвением интересы императора выше своих и даже жизни своей. Это станет яснее при чтении данного Дневника, в котором я честно описываю все то, что мне удалось счастливо совершить — не для купечества, а для пользы Империи российской, — при общении с такими грубыми и дикими народами, каковыми являются киргизы и башкирские татары.

Июнь

В Оренбургскую крепость прибыли два посла и Гесаул (Gesaul), или адъютант, от Киргизского (Kirgischen)¹ хана Абул Гейера, а также один посол от Джамбек Батура (слово батур означает — герой) с письмом для коменданта крепости, подполковника Якова Фоедровича Чемадурова (Jacob Foedrowitz Zshemaduroff). Они должны были узнать, покинут город Оренбург или еще держится. Одновременно они от имени хана, чтобы приезда выглядел более обоснованным, должны были просить о направлении к ним российского представителя. Но комендант по неизвестной мне причине никого не отправил.

14-е

За время своего почти годовичного пребывания в Оренбурге я успел при помощи множества подарков и услуг привязать к себе дружескими узами и даже обязать сына хана, Ерали Султана, которого держали в качестве заложника. 14 июня я пригласил его к себе вместе с посланцами и сопровождающими их киргизами и со священнослужителем-ахуном (Aghun), по имени Монсур (Monsur) из Бухары, который находился при султани в Оренбурге.

Я старался оказывать им все формы учтивости и одарил их всем, чем мог, поэтому они наградили меня своим расположением и доверием. Я узнал, что, подстрекаемые Оттоманской Портой (Ottomannische Pforte)² стоят наготове 40000 недовольных киргизов, которые хотят, объединившись с башкирским бунтовщиком Килмеком (Kilmeck)³, выступить против Российской империи статского советника Ивана Кирилова, одолеть его и потом опустошить все земли от Уфы до Казани. Оренбург они намерены взять голодом. А хан думает усмирить своих готовых на все людей при помощи российского представителя, ибо боится, что, если его киргизы вернутся из Оренбурга без него, их объявят обманщиками и убьют, а все недовольные перебегут тут же к Килмеку.

Эти

¹Киргизами, как было тогда принято, Кэстль называет казахов.

²Турцией.

³Килмяк Нурушев - башкирский абыз и старшина Юрматинской волости Ногайской дороги, зачинатель и главный вождь башкирского восстания 1735-37 гг.

1. Султан Ерали, бухарский ахун и главный слуга султана Кудер батыр в полном вооружении.

Эти неожиданные новости показались мне опасными для Российской империи и очень обеспокоили мою душу. Поэтому я, зная, что комендант крепости не хочет отправлять с киргизами российского посланника, как того требовала крайняя необходимость, и, чувствуя себя обязанным предотвратить большое несчастье, вред и убыток империи, решился представить молодому Ерали Султану свой план: я намерен предпринять путешествие к его отцу-хану, но по дороге должен заехать в Сакмару (Sackmara) к статскому советнику Ивану Кирилову, чтобы поставить его в известность обо всем. Этот план очень понравился молодому человеку и его приближенным; они его всячески приветствовали и считали его исполнение очень нужным. Чтобы я мог побыстрее начать его реализацию, Ерали Султан попросил коменданта крепости отпустить меня на некоторое время. Он якобы соскучился по отцу, хочет, чтобы я написал его портрет с натуры и вернулся с готовой картиной.

Июнь,
14-е

Когда согласие коменданта было получено, Ерали Султан написал письмо отцу, в котором просил верить и доверять мне во всем. А я начал готовиться к путешествию: все свое имущество передал хирургу Пензенского полка Роде, попросив его — на тот случай, если живым в Оренбург не вернусь, — отослать мои пожитки отцу. С письмом Ерали Султана я после обеда отправился в дорогу, выбрав в качестве спутников своего немецкого ученика, по имени Дитрих Люфтус (Dietrich Luftus), четырнадцати лет, и татарского слугу, по имени Кулбей (Kulbey); полковник Тевкелев (Teffkeleff) мне его очень неохотно отдал, но они оба мне были необходимы в качестве толмачей: первый переводил мою немецкую речь на русский язык, а второй должен был переводить с русского на какой-нибудь другой нужный нам язык. С Божьей помощью мы тронулись в дорогу 14 июня после обеда. Вместе с нами были: два посла хана Абул Гейера по именам Бейбек Ауглук (Beubeck Augluck) и Шатер Бей (Schager Bey), с ними были их Тесаул, или адъютант, Калбек (Kalbeck) и Азан Абуйс (Asan Abuys) — посол Джамбека Батура. Кроме того к нам присоединились еще три молодых киргизских торговца (Kaufleute),

14-е

которые

- Июнь, которые прошлой зимой прибыли с послом хана Бей Джан Беем
- 14-е (Bey Jan Bey) и которых тогда ограбили башкирские татары (Baskirische Tartarn). На расстоянии одного часа от Оренбурга мы переплыли реку Орь и направились на юг через пустыню, где не было ни деревьев, ни воды. До глубокой ночи ничего примечательного не произошло.
- 15-е 15 июня мы увидели большое число диких лошадей. Я убил одного жеребенка из своего ружья, а мои люди — лошадь из лука.
- Мы поели их мяса, которое нам пришлось зажарить прямо на их навозе, так как у нас с собой не было котла, а воды — совсем мало. Мы в спешке ничего из Оренбурга с собой не взяли. Но наша еда получилась очень вкусная.
- 16-е Весь день 16 июня я передвигался без капельки воды, пока не очутился снова на берегу реки Орь, которую опять переплыл на своей лошади. Слева на востоке остался старый монгольский (Mungalische) город Рудера (Rudera), о котором очень много говорят. Недалеко от него я видел заросли ивняка. Моя дальнейшая дорога пролегла по территории с множеством озер. В одном из них вода была светло-голубого цвета и имела вкус квасцов. Здесь нас покинул посол Джамбека Батура, по имени Азан Абуйс. Его имя означает, что он ученый муж. Отправляясь в свою орду, он сказал мне, что его хозяин непременно хочет видеть меня у себя и поэтому я обязан нанести ему визит. На что я ответил, что у меня нет с собой надлежащих подарков и я прошу передать ему только мой поклон. Но если он захочет мне что-нибудь сообщить, то он меня найдет у хана.
- 17-е 17 июня моя дорога пролегла среди холмов и гор, а 18 июня к девяти утра я оказался у первых юрт (Jurden). По случаю моего приезда был заколот баран, и во время трапезы мы пили за здоровье Ее имп. вел. Наш гостеприимный хозяин, по имени Гудер Бей (Guder Bey), недвусмысленно дал понять, что, если бы не мой приезд, они через несколько дней вместе с башкирами напали бы на нас. Они видели во мне посла и сердечно радовались, ибо надеялись, что теперь все будет хорошо и причины их недовольства будут устранены.

Среди

Среди киргизов наш хозяин был очень важным человеком, и я Июнь, поэтому оказывал ему все надлежащее уважение. У него болели гла- 18-е
за. Я ему рекомендовал средство от этой болезни, которое, к счастью, в небольшом количестве имел с собой: это белый порошок из мелко растертого *Sachari Canariensi albo*¹. При помощи ствола птичьего пера я ему посыпал в оба покрасневших глаза самую малость этого порошка. Он был страшно удивлен и увидел во мне еще и ученого ме-
дика. Вечером я продолжил свой путь и всю ночь видел множество юрт, разбросанных по местности. 19 числа июня я, наконец, приехал 19-е
к хану, но в юрте его не застал. Оказалось, что он на своей лошади поспекал к Джамбек Батуру, до которого примерно два дня езды. Он хотел посоветоваться с ним о совместных действиях против России. За ханом послали двух нарочных, которые должны были оповестить его о моем прибытии, а пока поставили для меня бухарский (Bucharisches) шатер из белого хлопкового полотна.

Я принимал в нем бесчисленных визитеров; все они приходили, чтобы подивиться на меня и мою немецкую одежду. Некоторые ощу- пывали меня, мое платье и особенно брюки. Им было смешно, что брюки сидели на мне в обтяжку. Кроме того, их удивляли мои боль-
шие глаза.

Другие хотели исследовать все мои вещи, им было недостаточно простого осмотра и прощупывания. От таких «проверок качества» некоторые мои вещи изрядно пострадали, а иные и вовсе улетучи- лись, пройдя через множество рук. На мне были английские сапожки, а под ними чулки из кожи горного козла. Их сняли с меня очень быс- тро и вежливо.

Одни восторгались чулками, другие — сапожками и застежками на них, третьи исследовали мои карманы и случайно нашли часы. Им захотелось узнать, что это за зверь. Я сказал, что это — не живое су- щество, а сделанный людьми механизм, который показывает время дня. Но это их не удовлетворило. Они бросили часы на пол, думая, что там нечистая сила. Часы таким образом, конечно, были поломаны.

Мое

¹Sachari Canariensi albo - канарский тростниковый сахар.

Июнь. 19-е. Мое ружье, которое было заряжено, я скрыл под пледом и сел на него по-тюркиски. Но двенадцатилетний сын хана своим зорким глазом его все равно приметил, и в то время, когда я беседовал со своими посетителями, он тщательно исследовал затвор. Не понимая ничего в технике (эти люди не умеют стрелять без огня и фитиля), он как-то случайно нажал на курок, ружье подо мной выстрелило и попало в ногу лошади, которая стояла в 200 шагах от моего шатра. Это, очевидно, никому не нанесло большого ущерба и не вызвало беспокойства обитателей юрт. Они будто даже полюбили меня за долготерпение и чуть не приняли за волшебника: дело в том, что вышеописанное поведение гостей довело меня до такого состояния, что я схватился за голову и при этом сдвинул с места свой парик с косой и ленточкой. Все подумали, что я внезапно изменил свои естественно растущие волосы. Боясь дальнейших изменений и чудесных превращений моей головы, они бросились бежать.

Меня это неприятно удивило, и я спросил своего переводчика, в чем дело. Тот долго смеялся и объяснил причину поведения людей. Мне ничего не осталось сделать для их успокоения, как совсем снять парик с головы и показать, как он надевается и как его носят. Они доверчиво смотрели на меня, брали парик в руки и, громко смеясь, надевали его друг другу на головы. Позже приходили еще другие и просили показать им столь необычный головной убор. С большим удовольствием они надевали парик и смеялись. Этот случай помог мне добиться их расположения и доверия.

Все, что у меня было с собой в качестве подарков, как-то: иголки, ножи, зеркала и другая мелочь, я им отдал, и даже пуговицы на моем сюртуке не выдержали их любопытства и исчезли все до единой. После обеда меня пригласил в свою юрту хозяин моего шатра Тунайча (Tunaitzcha). Там брат хана и старейшины поздравили меня с приездом и не экономили на кобыльем молоке, своеобразном нектаре киргизов. А вечером они со мной прощались, говорили всякие комплименты и обещали, что хан скоро вернется. Ночью они закололи голову барашка и предприняли магические действия при помощи ко-

стей этого барашка, после того, как все, я в том числе, кости эти обглодали. А матия происходила следующим образом: все кости сложили вместе в латунный котел, поверх костей поместили голову. В черепной шов вставили тонкую стреловидную палочку, в *расщеп* которой (*Sutura sugittali* oder Feil-Nath) был прикреплен маленький кусочек красной тафты, так что она стала похожа на корабельный флажок. В каждую глазницу бараньей головы вставили свечу.

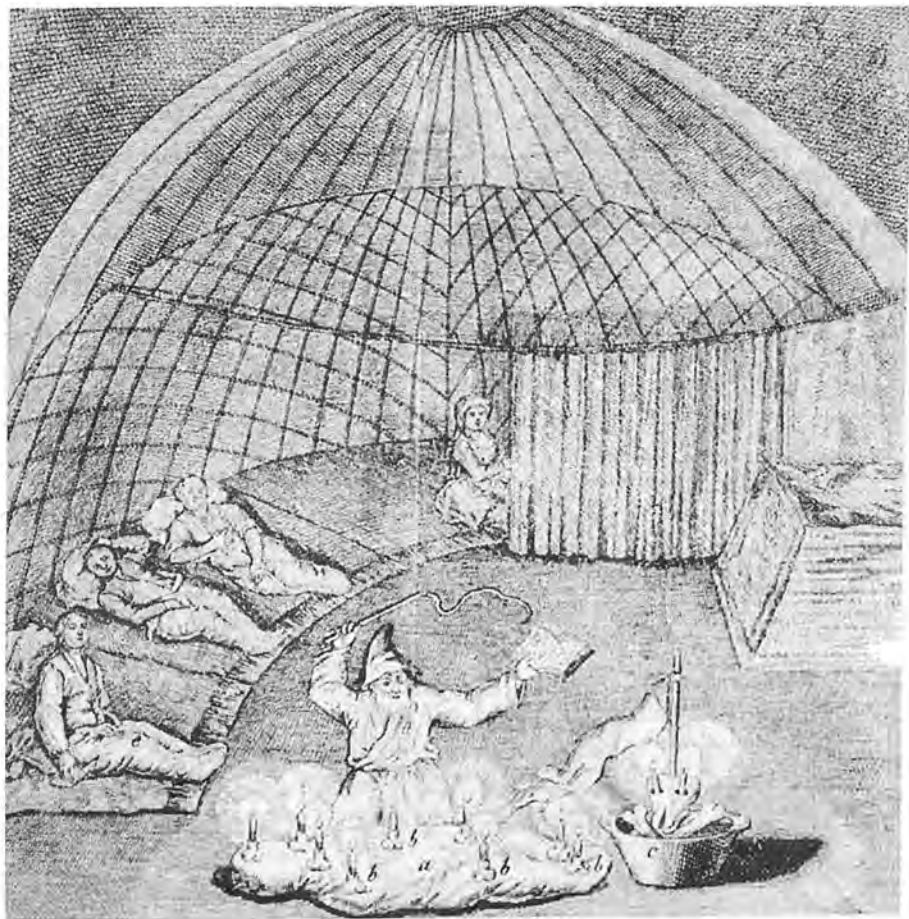
Июнь.
19-е

Мой вышеупомянутый хозяин Тунайча разделся доната, его завернули в белое полотно и положили на спину. Он лежал не в состоянии двигаться: его ноги показывали на дверь. На нем было 9 горящих свечей: одна на лбу, по одной на каждом предплечье, на каждой ноге и каждом колене, одна на груди и одна на животе. Своего рода подсвечники были сделаны из расколотых на две части бараньих ног, так что из каждой ноги получились два подсвечника. Все одиннадцать свечей были из бараньего жира, а фитилями служили узкие полосы, оторванные от старых хлопковых рубашек. Священник, или мулла (*Mulla*), совершал свой обряд на арабском языке, стоя на коленях и держа в одной руке плетъ, а в другой — книгу странного характера. Он свистел и громким голосом, страшно при этом жестикулируя, велел нечистой силе покинуть всех честных мусульман (*Musel-täpper*), чтобы им открылась истина в отношении моей персоны: принесет ли мой приезд счастье или нет. После того, как все свечи, догорев, потасли, кости вынесли на поле, там их сожгли, а пепел собирали. Мулла над этим пеплом долго наклонялся, а потом что-то пророчествовал, но его предсказания остались в тайне от меня. Судя по выражению лиц и по жестам людей, нечистая сила не была настроена против меня. Ко мне подошла девушка в возрасте около 20 лет. Она обратилась на татарском языке, упала к моим ногам и сказала, что она русская христианка. Ее отец был кузнецом в Яицком городке (*Jaick-Stadt*), откуда 10 лет назад ее увезли киргизы. Она совершенно разучилась говорить на своем родном языке и просила меня через переводчика освободить ее из плена. Из жалости я ее просьбу выполнил бы, но по разным причинам не смог себе это по-

зволить:

Июнь. зволить: во-первых, кроме нее было еще несколько русских пленников, которые тут же обратились бы с такой же просьбой ко мне, во-вторых, я бы навлек на себя ненависть всего киргизского народа (Kirgisischen Nation). Поэтому я через переводчика объяснил ей, где расположен Оренбург и как можно туда попасть, преодолевая степь и реки. Она внимательно слушала и запоминала дорогу на свободу. И в самом деле: через год она появилась в Оренбурге с двумя лошадьми и вскоре вышла замуж за одного сержанта Пензенского полка. Я могу еще сообщить, что недалеко от юрты хана берет свое начало река Деен (Deen-Strom), ведь до гор Махашел Айрук Тау (Mahaschell Ayruck Tau) совсем близко. Эта река потом делится на три протока, по берегам которых киргизы перемещаются из-за хороших кормов. Она впадает в реку Жем (Jem-Strom), которая в свою очередь берет начало на расстоянии четырех с половиной дневных переходов от Оренбурга в горах, похожих на два поднятых крыла, а недалеко от маленького города Гурьев (Gurioff) впадает в реку Яик (Jaik-Strom). Та потом впадает в Каспийское море (Caspische See). Оставшуюся после пророчества муллы ночь мы проспали вблизи юрты хана.

20-е 20 июня чуть свет все три сына хана заставили меня проехать с ними верхом на близлежащую гору. Там старший из них велел мне слезть с коня, что я и сделал. Но когда молодые люди остались сидеть в седлах и хотели оттуда со мной говорить, мне это не понравилось и я потребовал, чтобы они также спустились на землю, они этого не сделали, и тогда я опять сел на свою лошадь, только мои переводчики стояли. После таких церемоний старший из сыновей поинтересовался, каково здоровье Ее имп. вел. и как себя чувствует статский советник Кирилов. Затем он прямо сказал о том, что они твердо намерены сдержать слово, данное когда-то Ее имп. вел. Я поблагодарил его за это и заверил всех в высочайшей милости. К обеду мы вернулись к юртам, и там опять закололи барана, но по обычаю мне его сперва показали, дали пощупать, чтобы убедиться, что он здоров. Потом все просили Бога воздать дарителю барана сторицей. На этот раз вместе

II. Ночное колдовство по случаю приезда Кэстя: автор с двумя переводчиками, хозяева юрты.

со мной обедал Нияз Султан (Nyaz Sultan), один из братьев хана. Июнь. После обеда меня отвели к новому хозяину, старому человеку, кото- 20-е
рый рассказал, что он сегодня отвечает за прохладность воздуха в
преддверии возвращения хана. Но мне показалось, что старик в та-
ком искусстве не очень избалован успехом. Я ему не поверил и выс-
меял его, потому что стояла убийственная жара. После приезда хана
я спросил старика, почему он не охладил воздух. Он ответил, что по
старости проспал нужный момент. Этот ответ показался мне смеш-
ным, и я попросил его посвятить меня в искусство охлаждения возду-
ха. В награду я обещал ему отдать все, что он пожелает. Но хитрый
старик возразил, что секрет этого не так уж большого искусства не
может быть открыт мне, ибо я не мусульманин. А если я стану веру-
ющим мусульманином, то, может быть, воздух мне повинуется. Я
пытался убедить его, что я уже мусульманин, но старик мне не пове-
рил и отказался посвятить в свои профессиональные секреты.

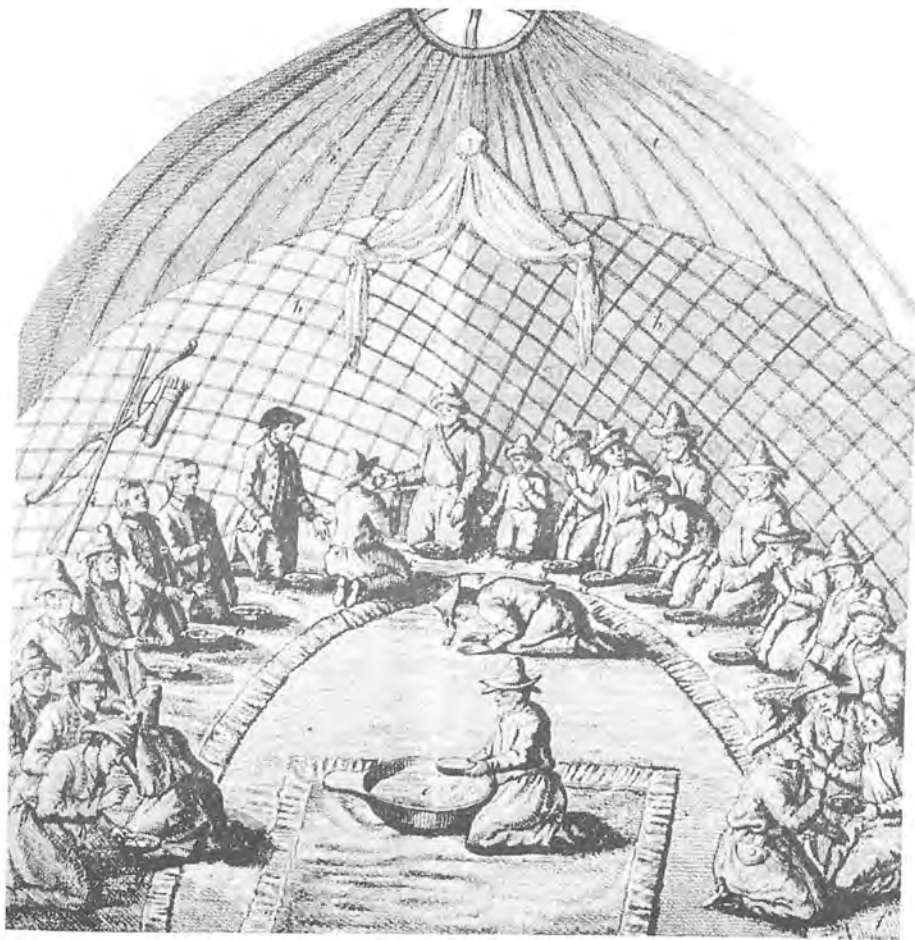
Вечером прискакал нарочный и сообщил, что на следующее утро
прибудет хан. Ко мне в шатер пришел Бейбек (Beubeck), который
был послом хана и вместе со мной выехал из Оренбурга. Он передал
мне привет хана, справился о моем здоровье и дал понять, что хан
уже здесь.

Утром 21 июня я увидел в головном уборе моей хозяйки большой. 21-е
но необработанный рубин Палле (Rubinen-Palle). На мой вопрос, отку-
да он и сколько стоит, она не знала ответа. Таких камней якобы очень
много в Бухаре. В обмен на мой перочинный нож она этот рубин от-
дала. Рано утром опять пришел Бейбек, передал от хана привет и его
желание увидеть меня в немецкой одежде и верхом на коне. Я тут же
оделся и поехал к нему. Меня пригласили в белый бухарский шатер и
сказали, чтобы я в нем ждал, пока не закончится прием многочис-
ленных посетителей, которых хан терпеливо выслушивал. Почти каж-
дую минуту он присылал ко мне человека и справлялся о моем здо-
ровье. Мне принесли мелко нарезанную конину и кобылье молоко.
Мяса было так много, что я угощал им почти насильно всех присут-
ствующих в шатре. Меня спросили, как я намерен выразить хану

свое

Июнь, свое почтение, по-своему или согласно местному обычаю? Когда я 21-е сказал, что не знаю местных правил, вызвались сразу несколько человек, готовых меня научить. Они показали, как следует опуститься на колени и как надо три раза лбом коснуться пола перед ханом. Но мне такое проявление почтения было не по вкусу, и я сделал вид, будто не могу так быстро научиться гнуть спину, а про себя подумал, что будет очень уместно, если я буду приветствовать его так, как это делается в России у великих князей. Через полчаса Бейбек и еще один человек при большом стечении народа взяли меня под руки и вывели из шатра. Примерно в десяти шагах от юрты хана они попросили меня постоять с минуту, а адъютант, или на их языке тесаул, пошел доложить обо мне. После этого было разрешено сделать шесть шагов и опять надо было стоять и ждать возвращения адъютанта из юрты. Когда тот наконец появился, меня довели до входа в юрту и оставили одного. В следующий момент я почувствовал толчок сзади и оказался в юрте.

Прямо напротив входа сидел хан. На нем была ситцевая одежда в полоску. Рядом с ним сидели два его сына и брат Нияз Султан, а кроме того в юрте находились старейшины. Я снял свою шляпу и сделал троекратный реверанс на французский манер перед ханом и всеми другими присутствующими. После этого я опять надел шляпу, и меня попросили присесть. Я обратился к хану со следующими словами: «Статский советник Иван Кирилов оставил меня прошлой зимой в Оренбурге, где мне выпала честь познакомиться с Вашим сыном Ерали Султаном и другими знатными киргизами. Поэтому я решил приехать сюда, чтобы удостоиться чести увидеть великого хана в добром здравии и предложить ему свои скромные услуги на тот случай, если хан захочет через меня что-нибудь передать Ее имп. вел. или статскому советнику». За эти слова хан поблагодарил меня от своего имени и от имени всех присутствующих. Он спросил, как здоровье Ее имп. вел., и хотел знать, как себя чувствуют статский советник Иван Кирилов и полковник Тевкелев. Продолжая свою речь, он сказал, что очень рад видеть во мне русского человека, который помогает ему ос-

III. Аудиенция Кэстя у хана.